

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОМУ ИСТОЧНИКУ

*(Находка в архиве Института Гриффита, Оксфорд)**

Некоторое время назад, обсуждая вопрос о дате интронизации кушитского царя Ирикеаманноте, автор настоящей статьи выступил с пересмотром одного из указаний его так называемой Большой надписи. Напомню, что данное указание в свое время позволило предположить, что упомянутый царь в течение некоторого времени был соправителем своего предшественника, Талахамани¹. Особое значение этого свидетельства заключается в том, что из всех примеров – весьма спорных в целом, на которых строится давняя гипотеза М.Ф. Макэдэма о существовании подобной практики в Куше, как раз данный выглядит наиболее правдоподобным. Окончательное решение проблемы позволило бы ответить на принципиально важный вопрос – действительно ли совместное правление царей в древнем Судане было возможным.

Проблема, однако, осложняется тем, что соответствующий фрагмент рукописной копии Большой надписи Ирикеаманноте (= Kawa IX), которую опубликовал Макэдэм в 1949 г.² и которая по сию пору служит основным источником для ее изучения, вызывает серьезные сомнения, так же как и подкрепляющая его фотография. Разумеется, наилучшим способом проверить сомнения было бы новое обследование самого оригинала *in situ* в так называемом Храме Т в Каве. Однако после того как в материалах Туринского египтологического конгресса был опубликован доклад на эту тему³, автору благодаря любезному содействию британских коллег стало известно, что оригинал Большой надписи практически более не доступен: святилище почти полностью занесено песком за период, прошедший со времени последних раскопок (1935–1936 гг.), а новые в обозримом будущем не намечаются.

Другую возможность проверки мог бы дать материал, использованный в свое время самим Макэдэмом при подготовке «Храмов Кавы». Таковой мог сохраниться в архиве Института Гриффита, в котором работа Макэдэма была опубликована. К тому же именно чета Гриффитов сыграла основную роль в археологическом исследовании памятников Кавы⁴. В ответ на посланный запрос был получен ответ от д-ра Я. Малека, который подтвердил наличие в архиве соответствующей документации. В ответе особенно обращалось внимание на хранившиеся в архиве эстампажи Большой надписи,

* Автор хотел бы выразить глубокую признательность д-ру Я. Малеку, Хранителю Архива в Институте Гриффита (Оксфорд), д-ру С. Кверку, помощнику куратора в Музее египетской археологии им. У.М.Ф. Питри (Лондон), и д-ру Д. Уэлзби, помощнику хранителя в Отделе египетских древностей Британского музея (Лондон), за дружеское содействие на всех пройденных этапах работы по подготовке к публикации материала, о котором идет речь в настоящей статье. Слова благодарности адресуются далее Международному научному фонду за финансовую поддержку, которая сделала возможным исследование автора в Оксфорде в 1994–1995 гг., а также ООО «ТЦ Дромос» за техническое содействие его работе в Москве.

¹ Виноградов А.К. О предполагаемом соправлении Аманнотеирике и Талахамани // Мероэ. Вып. 1. М., 1989. С. 64–72 (ср. *он же*. Политическая организация общества Куша // Дис. ... канд. ист. наук. Институт востоковедения АН СССР. М., 1983. С. 56–63).

² Macadam M.F.L. The Temples of Kawa. V. I. The Inscriptions, Text, Plates. L., 1949. Pl. 17–21 (фотокопия), 22–26 (рукописная копия).

³ Vinogradov A.K. On the Supposed Coregency of Irikeamannot with Talakhmani // VI Congresso Intern. di Egitologia. Atti. V. I. Torino, 1992. P. 635–641.

⁴ Нелишне напомнить, что именно Гриффит руководил археологической разведкой (1929–1930 гг.) и работами в Каве в первый раскопочный сезон (1930–1931 гг.), а Н. Гриффит после его смерти направляла (оставаясь в Англии) работу второй экспедиции (1935–1936 гг.), возглавлявшейся Л.П. Кервэном.

которые сам д-р Малек резонно посчитал наиболее важными свидетельствами и существование которых явилось для меня полной неожиданностью⁵. К письму была любезно приложена ксерокопия обсуждаемого фрагмента текста (стб. 21), сопровождавшаяся сделанной с нее прорисовкой (см. ниже, рис. 3 и прим. 22).

Ксерокопия, не будучи сама по себе отчетливой (обычная проблема при работе с фотографиями эстампажей), казалось, подтверждала ряд высказанных ранее критических замечаний, оставляя некоторую неопределенность относительно других, но в любом случае *отличалась* от версии, представленной в публикации Макэдама. О причинах расхождений можно было только гадать, и в итоге дело еще более осложнилось. Стало очевидным, что решению проблемы могло помочь только изучение хранящегося в Институте Гриффита материала *de visu*.

По благоприятному стечению обстоятельств такая возможность представилась автору в 1994 г. Поначалу основной задачей было найти ответ на вопросы, поставленные в предшествующих статьях, посвященных гипотезе о соправлении царя Ирикеаманноте с его предшественником, тема которых была несомненно интересной (хочется верить, не только для автора нынешних строк) и важной, но все же частной. Вскоре, однако, открылись новые перспективы в плане изучения всего памятника в целом, а это имеет в действительности еще большее значение.

Следует подчеркнуть, что Большая надпись из Храма Т в Каве занимает совершенно особое место среди письменных памятников древнего Судана. Нарративный материал из Куша вообще весьма скуден. К настоящему времени известно не более около двух десятков царских стел, в основном весьма кратких. Большая надпись из Храма Т – одна из самых пространных (126 столбцов) местных хроник (уступающая по длине, кажется, только тексту знаменитой Победной стелы царя Пианхи из Гебел Баркала). Уже по одной этой причине она заслуживает самого пристального внимания исследователей. Однако, разумеется, не столько объемом, сколько само содержание текста (при всех потерях из-за досадных разрушений) делает Большую надпись бесценным источником для изучения истории и культуры древнейшего после Египта очага цивилизации в Африке.

В общем текст посвящен событиям начала – первых полутора лет царствования Ирикеаманноте, но прежде всего повествует об обстоятельствах его прихода к власти. Исключительную ценность тексту придает составленный, вероятно, по свежим воспоминаниям рассказ об интронизации: об избрании царя войском и последующей его легитимации в главных святилищах страны (стб. 3–21). Существенно расширяя наши представления о политическом устройстве Куша, он служит замечательным дополнением к свидетельству Стелы избрания царя Аспелты, которая с давних пор считается главным источником по этой теме. Несомненно уникальные содержащиеся в Большой надписи многочисленные исторические и «этнографические» данные, к примеру, сообщение об участии царя (вместе с его родней, придворными и войском) в расчистке занесенного песком храма Амона (стб. 64–79) или рассказ о парадоксальном, «благотворительном» распределении добычи, захваченной «войском Его Величества» у вторгшихся «бунтовщиков» (стб. 21–33)⁶. Встречающиеся в Большой надписи наименования подвластных народов, а также областей, посещенных царем при инаугурационном объезде страны, служат важным материалом для реконструкции политико-административного устройства Куша и имеют большое значение для изучения проблем топонимики. Кстати, следует упомянуть, что именно в данном тексте засвидетельствован самый ранний пример использования топонима ВАгАwa «Мероэ» (рис. 1)⁷ – названия города, которое позже (особенно в античной традиции) стало по

⁵ Единственный намек (как становится ясно *только сейчас*) можно было бы усмотреть в упоминании Макэдама о безуспешной «попытке изготовить в 1935 г. более совершенные оттиски» (Op. cit. I. P. 51), из чего можно было бы заключить, что *менее* совершенные уже существовали.

⁶ См. Vinogradov A.K. Some Notes on the Account of Kawa IX, Cols. 21–33 // VI Intern. Conference for Nubian Studies. Abstracts of Communications / Ed. Dehlin R., Hägg T. Bergen, 1986. P. 136–137.

⁷ Прорисовка фрагмента стб. 5 выполнена автором с ксерокопии *оборотной* стороны оттиска KS I. 1,

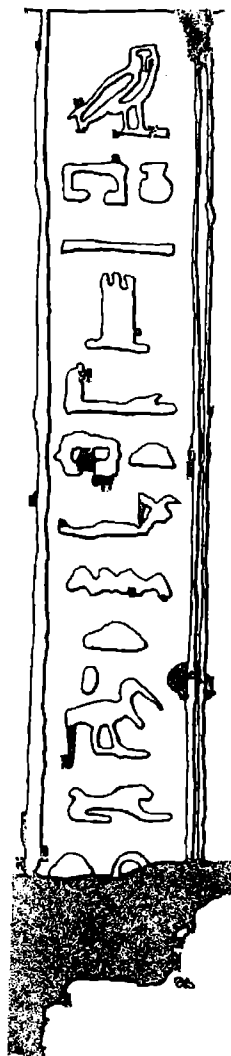

Рис. 1. Первое историческое упоминание о городе Мероз (Kawa IX, стб. 5) (масштаб 1 : 2)

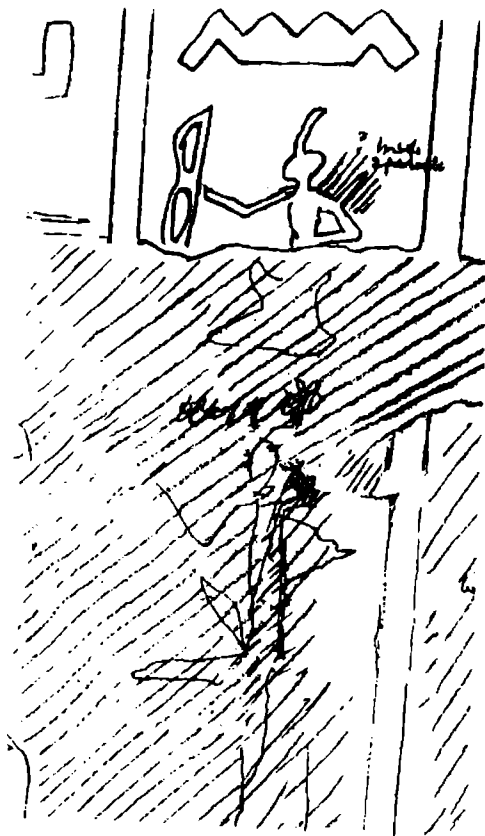

Рис. 2. Типичные рабочие пометки (следы реконструкции и комментария о состоянии памятника) на «полях» прорисовки

сути нарицательным для всей цивилизации в средней части долины Нила, а в новейшее время послужило основой термина «мероистика», обозначающего дисциплину, занимающуюся изучением этой цивилизации древнего Судана.

В филологическом отношении надпись не менее интересна, чем в историческом. Стилистически она не столь совершенна, как некоторые более ранние местные египтоязычные памятники – особенно те, которые датируются периодом кушитского господства в Египте и, вполне вероятно, были изготовлены египтянами. Тем не менее, как с точки зрения грамматики, так и графики (орфографии и палеографии) текст выглядит много лучше, чем, к примеру, анналы уже ближайших по времени царей, Хорсиотефа

и Настасена, и даже с позднейшими текстами самого Ирикеаманноте. Имея это в виду, можно утверждать, что Большая надпись из Храма Т в Каве – это *последний* из нарративных письменных памятников Куша, доступных ныне прочтению с относительной надежностью. Она, таким образом, представляет собой своеобразную пограничную веху, замыкающую целый период. Надпись интересна наличием в ней уже заметного количества грамматических и, особенно графических (орфо- и палеографических), отклонений от классических норм. Отчасти они отражают общие тенденции развития самого египетского языка, что подтверждает сравнение с собственно фараоновскими письменными памятниками. Однако значительную часть отклонений составляют такие, в которых, кажется, можно усмотреть влияние особенностей мышления и языка уже самих кушитов. Такого рода примеры особенно ценны, поскольку о собственно мероитском языке до сих пор мало что известно (хотя «обслуживавшая» его письменность как будто и расшифрована). В отсутствии билингв, которые позволили бы понять текст, записанный мероитским письмом, вкрапления «варваризмов» в египтоязычных текстах Куша, возможно, могли бы служить своеобразными «мостами» между двумя языками. С этой точки зрения Большая надпись имеет исключительную ценность, поскольку основная часть текста – сам повествовательный фон, на котором выявляются упомянутые отклонения, все еще вполне доступен пониманию, чего уже нельзя сказать о памятниках даже ближайших преемников Ирикеаманноте.

И тем не менее, несмотря на важность надписи, ее отнюдь нельзя назвать хорошо изученной. Об этом свидетельствует даже то, что в исследовательской литературе она традиционно именуется «стелой», хотя в действительности – это надпись на внутренней стене храма⁸, выписанная, к тому же, столбцами, а не строками – вопреки бытующему в литературе мнению⁹. Отмеченные выше недоразумения, как и другие, связанные с толкованием уже собственно текста и потому гораздо более существенные, несомненно объясняются тем, что надпись Ирикеаманноте все еще не издана надлежащим образом. Это один из последних крупных письменных памятников Куша (наряду со Стелой Настасена), факсимильное воспроизведение которых отсутствует, при том что копии его (автографическая и фотографическая), помещенные в издании Макэдэма, представляют собой серию маленьких и не всегда отчетливых снимков.

Приступая к работе в архиве, я предполагал изучить оттиск стб. 21, а также надеялся получить доступ к фотографиям, использовавшимся в свое время Макэдэмом при подготовке «Храмов Кавы». Действительность же превзошла все ожидания. Относившийся к раскопкам в Каве (точнее к проекту «Оксфордские раскопки в Нубии») архивный материал состоит из двух частей. Первая включает разнообразную документацию: полевые дневники, переписку руководителей экспедиций с различными официальными лицами (по поводу организации раскопок, распределения расходов и др.), а также черновики и оттиски опубликованных отчетов. Вторую часть составляют иллюстративные материалы: эстампажи некоторых письменных памятников из храмов Кавы, обширная серия негативов на стеклянных пластинах, четыре фотоальбома и внушительная стопа отдельных снимков, а также большой сверток с ярлыком: «Кава. Рукописная копия надписи IX (= Макэдэм, Кава, I, табл. 22–26)».

Предполагая, что «рукописная копия» едва ли могла оказаться чем-либо иным, кроме уже опубликованных в «Храмах Кавы» материалов, я решил начать со свидетельств менее знакомых, прежде всего – с эстампажей. Среди них оказались копии нескольких стел царей Тахарки, Анламани и Ари, изданных Макэдэмом; основную же часть составляли оттиски Большой надписи, – вероятно, те самые, которые, сетуя на их качество, издатель упоминает в своем предисловии и которые с тех пор полностью

⁸ «Inscribed as graffito in Temple T, Hypostyle Hall, E.<astern> wall, S.<outhern> side» (Macadam. Op. cit. I. Text. P. 50).

⁹ Ситуация несколько изменилась в самое недавнее время с появлением нового перевода Большой надписи, выполненного Р.Х. Пирсом (Fontes Historiae Nubiorum. V. II / Ed. Eide T., Hägg T., Pierce R.H., Török L. Bergen, 1996. P. 400–428). Зависимость от макэдэмовского издания остается, однако, весьма ощутимой.

исчезли из поля зрения исследователей. Сделанные на 72 листах бумаги (разного формата и качества), они на первый взгляд казались не более чем набором фрагментов. Лишь впоследствии обнаружилось, что они воспроизводят весь текст полностью.

При изучении эстампажей искомым фрагмент был обнаружен сразу в трех (!) версиях (с одной я был уже знаком благодаря присланной ксерокопии), так как оказался на стыке трех смежных листов¹⁰. Несмотря на различия между копиями (объясняющиеся, похоже, чисто техническими причинами), они как будто бы вполне согласовались между собой, одновременно отличаясь от версии в макэдэмовской публикации. Полной ясности, однако, получить так и не удалось, поскольку повреждение оказалось более серьезным, чем об этом можно судить по рукописной копии в «Храмах Кавы»¹¹. Ряд разночтений, хотя и не всегда существенных, обнаружился и далее при беглом просмотре других листов, и возник вопрос, какая из копий заслуживает больше доверия. Поскольку при публикации копии в конце концов было отдано предпочтение рукописной, это могло означать, что именно она была признана более точной.

Полагая, что решить вопрос могло бы сличение копий с фотографией (напомню, что к такой проверке призывал и сам Макэдэм в предисловии к своей публикации)¹², я обратился к фотоальбомам. Последние первоначально содержали, видимо, все снимки, сделанные по пути в Каву и во время полевой разведки (1929–1930 гг.), а также в первый полевой сезон (1930–1931 гг.). К сожалению, мои поиски оказались не очень успешными. В одном из альбомов удалось обнаружить лишь место, где, судя по подписям, когда-то помещалась серия из пяти фотографий¹³, представлявших надпись Ирикееманноте. В альбомах оказалось вообще много пустующих мест: каждое из них (как и в нашем случае) было «зарезервировано» соответствующей подписью и номером, который отсылал, как стало ясно позже, к соответствующему негативу. Оставались две возможности: просмотреть внушительную стопу разрозненных фотоснимков и изучить коллекцию негативов, причем в обоих случаях не удалось найти никаких описей.

Поиски в обоих направлениях оказались тщетными. Собрание фотографий состоит, как выяснилось, из дубликатов и/или проб тех карточек, которые представлены в альбомах. Разыскиваемых копий среди них не оказалось. Что же до пластинок-негативов, то удалось обнаружить лишь место, где некогда находилось пять негативов Большой надписи: об этом свидетельствовал разрыв в номерах, которые оказались идентичными тем, что встретились в альбоме¹⁴. Сами же негативы, подобно всем сделанным с них отпечаткам, бесследно исчезли.

Без особой надежды на успех я обратился, наконец, к предмету, значившемуся в архивной описи как «рукописная копия». Вопреки указанию на ярлыке (похоже, очень старом) копия оказалась карандашной прорисовкой всего текста, выполненной в натуральную величину на 12 листах полупрозрачной синтетической ткани. Она несомненно должна была послужить основой для факсимильного воспроизведения надписи (каковые были изготовлены со всех прочих письменных памятников из Кавы), поскольку в самом начале копии (в верхней четверти листа 1) знаки были даже обведены тушью.

Однако находка этого нового свидетельства количество вопросов только увеличила: не были известны ни автор данной копии, ни время ее изготовления, ни причина того, что она осталась неопубликованной. Это могла быть та самая прорисовка, о которой Макэдэм мимоходом упоминает в своем предисловии как о «ставшей непригод-

¹⁰ Kawa Squeezes: I. 8; I. 14; I. 16 + I. 17 (последний представляет собой часть – верхний левый угол – предыдущего, поэтому оба здесь рассматриваются как единый лист).

¹¹ См. ниже прим. 21.

¹² Macadam. Op. cit. I. Text. P. XVI.

¹³ Альбом озаглавленный «Vol. II», с. 109–111. Подписи ошибочно отсылают к Большой надписи во «II-м Дворе. Внутренней (части) (вместо: «Гипостильного Зала» – А.В.) Храма Т», что было, видимо, первоначальной («предкервэновской») идентификацией этой части здания.

¹⁴ (Собрание негативов) Neg. 216–218.

ной (очевидно, при считке *in situ*. – А.В.) под действием солнца и песка»¹⁵. Впрочем, в таком случае требовали бы объяснения попытки превратить прорисовку в факсимиле, которые оставили следы и которые могли появиться, наверное, лишь на завершающем этапе работы и, следовательно, уже после считки с оригиналом. На прорисовке, далее, оказались обозначены многочисленные мелкие лакуны, щербинки и частичные повреждения знаков, которые видны также и на оттисках, но отсутствуют в рукописной копии в «Храмах Кавы». На основании этого можно было бы заключить, что прорисовка была изготовлена *позже* рукописной копии, которая, следовательно, содержит более полную версию, отчего, возможно, издатель в итоге и отдал ей предпочтение. Однако в других случаях, наоборот, знаки, достаточно отчетливо видимые на прорисовке (и оттисках), в рукописной копии показаны как поврежденные или даже отсутствуют! Отсюда – вопреки предыдущему предположению – как будто следует, что обе первые копии *предшествовали* рукописному воспроизведению.

Решению этой проблемы способствовали, однако, многочисленные сделанные на «полях» карандашные заметки: они касались реконструкции текста в местах повреждений, а также степени сохранности памятника (к примеру: «ныне разрушено», «не сохранилось» и т.п.). Некоторые заметки подписаны инициалами BG (Баттиском Ганн), другие сопровождаются буквами F.L.G. (Фрэнсис Ллуэллин Гриффит), судя по всему, это ссылка на мнение исследователя¹⁶. Основная часть комментариев, однако, анонимна. Для идентификации почерков нужны были образцы письма и показалось логичным искать их в экспедиционном архиве.

Две полевые тетради – так называемая «Синяя книга» и «Красная книга»¹⁷, относящиеся к сезону 1930–1931 гг., привлекли к себе внимание в первую очередь. Первая из них, согласно заголовку, выписанному на первой странице рукой Макэдэма (что подтверждалось его подписью), представляла собой «*надиктованное Гриффитом описание городища (site)*». Ничего, что помогло бы ответить на поставленные вопросы, обнаружить здесь не удалось. Настоящий сюрприз ожидал в «Красной книге». Будучи своеобразным иллюстративным приложением к предыдущей, она содержала рукописные воспроизведения всех обнаруженных в тот сезон и опубликованных впоследствии Макэдэмом текстов из Кавы. Имелась здесь и копия (уже пятая по счету) Большой надписи из Храма Т. Как и в других случаях, не было никаких указаний на то, когда она была изготовлена, однако на сей раз это можно было установить с определенной долей надежности: все предшествующие копии в этой тетради сопровождались пометами о времени изготовления и сверки с оригиналом.

Иероглифический почерк копииста существенно отличался от того, который представлен в опубликованной версии в «Храмах Кавы». При дальнейшем «расследовании» мне удалось установить, что сам Гриффит был автором воспроизведения в «Красной книге», а также иероглифических цитат в «Синей книге», записи в которой велись под его диктовку (согласно уточнению Макэдэма) Н. Гриффит, его женой.

Именно эта идентификация почерков оказалась ключевым моментом в ходе «расследования», поскольку она позволила определить авторство существующих списков Большой надписи и комментариев на «полях» хранящейся в Оксфорде прорисовки. После этого было предпринято пристальное изучение всех существующих версий текста – с особым вниманием к разночтениям, что позволило определить их хронологическую последовательность и установить то, что можно было бы назвать «иерархией доверия».

Гриффитовская копия из «Красной книги», очевидно, – самая ранняя и была изготовлена, вероятно, вскоре после того, как надпись была обнаружена (начало февраля 1931 г.). По-видимому, это был лишь предварительный список, так как автор, похоже,

¹⁵ Macadam. Op. cit. I. Text. P. XVI.

¹⁶ На это указывает, в частности, то, что пометка всегда следует за «подписью», а не наоборот.

¹⁷ Названия тетрадей, выписанные крупными буквами на обложке, даны по цвету последних. Оба названия встречаются в экспедиционной документации.

даже не сверил его (в отличие от всех прочих копий) с оригиналом. Вполне вероятно, что примерно в то же время были сняты фотокопии и изготовлены эстампажи, так что рукописная копия могла использоваться в качестве условной схемы для «сборки» последних в будущем. Ни фотографии, ни бумажные оттиски, сделанные уже на исходе раскопочного сезона (когда, возможно, уже испытывался недостаток времени и даже материалов), не были особенно высокого качества¹⁸, но это было осознано, похоже, лишь много позже, когда по прибытии в Англию с оттисков стала изготавливаться прорисовка. Кто занимался этим, сказать трудно. Во всяком случае Макэдэм (которому после смерти Гриффита в 1934 г. была доверена публикация материалов из Кавы) внимательнейшим образом изучил ее, оставив бесчисленные комментарии на «полях» (рис. 2) и порой (в местах повреждений и прочих неясностей) приводя ссылки на гриффитовскую версию из «Красной книги». Другим участником работы был известный египтолог Б. Ганн, к которому Макэдэм, очевидно, обращался порой за консультацией и микро-«диалоги» с которым видны во многих местах прорисовки¹⁹.

Во время второй экспедиции в Каву (1935–1936 гг.) Макэдэм, не бывший участником первой, занимался сверткой прорисовок рельефов и некоторых надписей (включая нынешнюю) с оригиналами *in situ*. В копию Большой надписи он внес многочисленные уточнения, касающиеся палеографии, но одновременно засвидетельствовал ряд новых повреждений вследствие неблагоприятных природных условий в период между двумя сезонами²⁰. По причинам, о которых сегодня можно только догадываться, работа над прорисовкой так и не была завершена. Вместо этого в какой-то момент (похоже, уже по завершении экспедиции) Макэдэм изготовил новый рукописный вариант, воспроизведенный впоследствии в «Храмах Кавы».

Сравнение всех доступных сегодня версий обнаружило множество существенных различий между всеми. При ближайшем рассмотрении очевидно, что опубликованный список во многих местах является *реконструкцией*, а не механическим воспроизведением текста. Основная часть конъектур, разумеется, вполне приемлема (хотя иногда допустимы и альтернативные толкования), но в некоторых случаях они кажутся спорными и даже ошибочными в свете новых свидетельств – прежде всего эстампажей. В любом случае новые материалы дают возможность проверить предложенные издателем реконструкции и установить там, где это возможно, наиболее правдоподобный вариант. Следует далее подчеркнуть, что обнаруженные в Институте Гриффита копии, – оттиски и прорисовка (в ее ранней редакции) – представляют текст в том виде, в котором он был обнаружен в 1931 г., т.е. в *наилучшем* его состоянии. Как отмечалось выше, памятник понес серьезные повреждения уже ко времени следующей экспедиции, которая состоялась всего через четыре года, и есть основания думать, что в дальнейшем сохранность его еще более ухудшилась. Как бы то ни было, мы, к сожалению, уже не сможем увидеть этот текст таким, каким он предстал Гриффиту и участникам его экспедиции. Обнаруженные воспроизведения, следовательно, представляют собой уникальный по важности источник. Важность публикации этого материала представляется несомненной, – тем более что оригинал текста, как было сказано, ныне недоступен. Задача эта, однако, в высшей степени сложна. Необходимо учитывать, то каждая из копий имеет свои достоинства, однако ни одна не может быть признана вполне удовлетворительной. Они должны изучаться только в совокупности. Публикация подобного рода в настоящее время подготавливается автором данных строк. Поскольку по техническим причинам воспроизвести версию бумажных оттисков не представляется возможным, в качестве основы издания избрана *прорисовка* Большой надписи. Ее предполагается перекопировать (поскольку оригинал местами почти не воспроизводим), сверить со всеми прочими свидетельствами и

¹⁸ Ср. замечание Макэдэма (Op. cit. V. II. History and Archaeology of the Site. Text. L., 1955. P. XIV).

¹⁹ Судя по порядку ремарок (Макэдэм обычно *отвечает* на вопрос), не исключено, что Ганн начал работать с прорисовкой даже раньше Макэдэма, которому работа была затем передана.

²⁰ Ср. Macadam. Op. cit. I. Text. P. 51; II. Text. P. XIV, l. 51.

сопроводить подробными комментариями. Они включают: (а) «расшифровку» и объяснение ремарок на «полях» прорисовки, (б) результаты изучения неоконтуренной карандашом внутренней стороны оттисков, которое, кстати, помимо ряда важных исправлений, позволило предложить много новых реконструкций. Рукописная копия Макэдэма, воспроизведенная по его изданию, будет дана в качестве параллельной версии – для облегчения ориентации на прорисовке (которая, следует помнить, осталась *незавершенной*). Гриффитовскую копию из «Красной книги» предполагается поместить в качестве приложения.

Предполагаемая работа не должна рассматриваться как завершающая публикация Большой Надписи Ирикееманноте, это будет скорее публикация соответствующих материалов из собрания Архива Института Гриффита. Никакая копия, разумеется, не может вполне заменить оригинал – тем более в столь сложном случае, как нынешний; какие-то неясности, вероятно, останутся – по крайней мере до времени новых раскопок в Каве.

Суть дела хорошо видна на примере с истолкованием интригующей ссылки в стб. 21 на «чудо прекрасное», стремление понять которую и послужило причиной всех предпринятых поисков. Изучение всех доступных копий поврежденной фразы из стб. 21, где упоминается «чудо прекрасное», совершенное для Ирикееманноте богом Амоном (что, как принято считать, содержит намек на его интронизацию), показало в итоге, что при нынешнем состоянии дел *теоретически* допустимы оба предложенные до сих пор толкования.

Карандашный контур (часто ненадежный в других случаях) на лицевой стороне оттисков может быть истолкован в пользу интерпретации, предложенной в свое время издателем текста и подразумевающей грамматически ошибочную фразу «чудо прекрасное, (которое) совершил для меня отец мой [Амон в //-----й (месяц) зи]мы, день (9-й), (день) возвышения моего царем»²¹. Если усматривать в тексте следы календарной даты, то при имеющихся сегодня данных можно было бы даже сделать шаг, на который не решился Макэдэм. Учитывая, что датировочные формулы в египтоязычных памятниках обычно устойчивы, и зная «среднеарифметические» размеры иероглифов, можно было предположить следующее восстановление разрушенной части: «[1-й] месяц зи]мы, день 9-й» (см. рис. 3, А)²². При такой реконструкции «чудо прекрасное» (т.е. интронизация, как полагал издатель) должно было бы свершиться *значительно раньше* упоминающегося в начале текста избрания Ирикееманноте на царство (уже после смерти его предшественника) «войском Его Величества». Следовательно, к моменту этого избрания он уже у власти, и, стало быть, гипотеза Макэдэма о том, что Ирикееманноте вззошел на престол (став соправителем) еще при жизни предшествующего царя, имеет право на существование. Признание этого возвращает нас к необходимости искать объяснения целому ряду противоречий, обнаруживающихся в тексте при таком его понимании²³. Следует, однако, напомнить, что подобное толкование свидетельств текста строится на макэдэмовской гипотезе положения, согласно которому в рассматриваемой фразе из стб. 21 стоит календарная дата. Однако такое прочтение, в действительности, не единственно возможное. Анализ внутренней (*неоконтуренной*) карандашом и потому вызывающей большее доверие) стороны оттисков позволяет считать приемлемым также и совсем иное толкование текста, которое, кстати, гораздо более удовлетворительно с точки зрения грамматики и в большей степени соответствует внутренней логике повествования. При этой второй интерпретации (предлагавшейся автором нынешних строк уже довольно давно, а

²¹ В переводе Макэдэма: «(...) день 19-й, (день) возвышения (...)». На оттисках и на прорисовке, однако, достаточно отчетливо видна цифра «9» (ср. рис. 3, А и 3, Б), поэтому здесь цитата приводится уже в исправленном виде.

²² Условные реконструкции «даты» сделаны на основе прорисовки с ксерокопии лицевой стороны оттисков (KS I. 14, I. 16).

²³ См. выше прим. 1, 3.

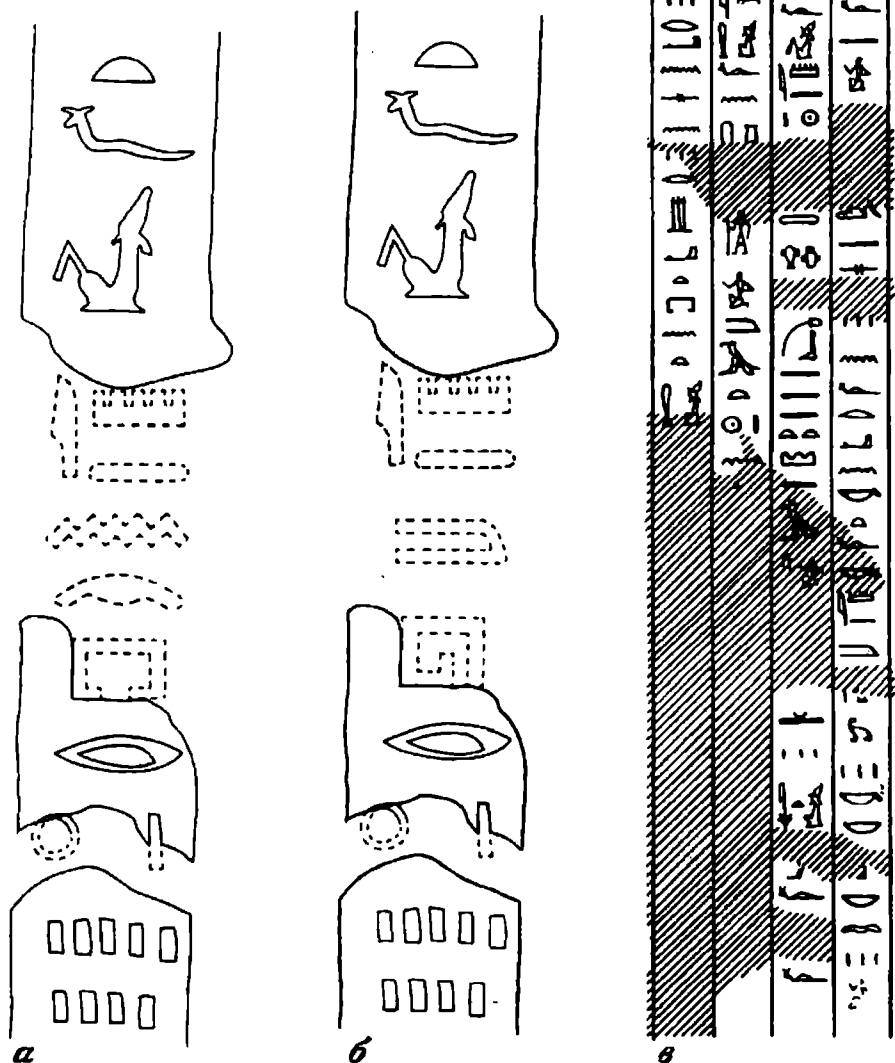

Рис. 3. «Дата» в стб. 21: а – реконструкция М.Ф.Л. Макэдэма (с уточнениями); б – реконструкция А.К. Виноградова; в – контекст сообщения о «чуде прекрасном» (фрагмент рукописной копии из публикации Макэдэма)

теперь несколько уточненной²⁴) вместо обозначения месяца и названия сезона ([ibd p]r.(t)) в поврежденном месте стб. 21 восстанавливается слово «день» ([m h]r(w)) (см. рис. 3, б). Таким образом, в тексте должна была бы идти речь о «чуде прекрасном,

²⁴ Детали изучения упомянутых свидетельств, а также новые соображения в пользу альтернативной интерпретации ключевой фразы из стб. 21 подробно излагаются автором в одной из подготавливаемых сейчас работ.

(которое) совершил для меня отец мой [Амон в де]нь 9-й (после/со времени) появления моего царем». Следовательно, календарная дата здесь отсутствует. Есть только ссылка на какое-то событие, свершившееся на 9-й день после восшествия Ирикееманноте на престол (благодаря войску, как прямо следует из текста) и, видимо, истолкованное как благоприятное знамение. Данное толкование не оставляет никаких оснований для гипотезы о соправлении двух царей. К сожалению, качество существующих копий текста не позволяет признать проблему ныне уже окончательно решенной. Окончательную ясность, наверное, могло бы внести исследование оригинала надписи *in situ*. Новые раскопки в Храме Т в Каве, когда бы они ни осуществились, несомненно, явятся поворотным моментом в изучении Большой надписи Ирикееманноте. Только тогда станут видны истинные размеры уже невосполнимых потерь, и только тогда можно будет в полной мере осознать истинную ценность свидетельств, обнаруженных в Архиве Института Гриффита.

BACK TO AN OLD SOURCE

(A Find in the Archive of Griffith Institute, Oxford)

A.V. Vinogradov

The paper tells about an interesting and important document discovered by the author in the Archive of Griffith Institute in Oxford.

© 2000 г.

М.С. Гаджиев

НОВЫЕ НАХОДКИ И ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕПЕРСИДСКИХ НАДПИСЕЙ ДЕРБЕНТА

В 1996 г. Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН параллельно с раскопками сасанидского форта¹ проводились визуальные обследования укреплений Дербента. В результате этих изысканий на северной городской стене было обнаружено пять ранее не известных среднеперсидских надписей VI в. н.э., пополнивших корпус среднеперсидской эпиграфики Дербента и получавших номера 26–30². В июне 1997 г. совместно с доктором Д. Хуффом (Германский археологический институт) при изучении оборонительных сооружений и древних надписей Дербента была обнаружена еще одна надпись, обозначенная № 31. Тогда же были сделаны эстампажи надписей.

Все вновь выявленные надписи вертикальные (как и ранее обнаруженные) и расположены на внешней стороне северной оборонительной стены города, за исключением

¹ Гаджиев М.С. Раскопки форта Дербентского оборонительного комплекса // АО 1996 г. М., 1997. С. 200–201; Gadjeiev M. Studies of the Fort of the Derbent Fortification Complex and Identification of the «Fortress Sul» // Archaeology of Caucasus: New Discoveries and Perspectives. Intern. Scient. Session: Abstracts of Papers. Tbilisi, 1997. P. 27–28.

² Мы придерживаемся нумерации надписей по Е.А. Пахомову (Пахомов Е.А. Пехлевийские надписи Дербента // Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. V. С. 13–18) в отличие от нумерации, недавно предложенной С.Ю. Касумовой (Касумова С.Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Баку, 1994. С. 6).